

УДК 27-523

Надежда Верещагина

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕКИЕВСКОГО КУЛЬТА КНЯГИНИ ОЛЬГИ

У статті розглянуто матеріал, присвячений вшануванню княгині Ольги у Давньому Києві. Проаналізовано відомості щодо формування культу її мощей та реліквій. Простежено становлення форм церковного прославлення княгині.

Ключові слова: *мощі, Київ, княгиня Ольга.*

В статье рассмотрен материал, посвященный почитанию княгини Ольги в Древнем Киеве. Проанализированы сведения о формировании культа ее мощей и реликвий. Прослежено становление форм церковного почитания княгини.

Ключевые слова: *мощи, Киев, княгиня Ольга.*

The material dedicated to the veneration of princess Olga in Ancient Kyiv is examined in the article. The data about the formation of the cult of Olga's relics and hallows are analyzed. The making of forms of church veneration of the princess is traced.

Key words: *hallows, Kyiv, princess Olga.*

Княгиня Ольга (?–969), жена киевского князя Игоря, мать Святослава и бабка Владимира, стала первой христианкой в династии Рюриковичей. С именем Ольги соотносят так называемое «второе» крещение Руси. Известно, что княгиня приняла христианство во время своего визита в Константинополь. Относительно года пребывания Ольги в столице Византийской империи в историографии развернута оживленная дискуссия. В свете последних исследований это событие датируют 957 г. [6, 30–47].

В исторической памяти образ княгини неоднозначен. Более того, в Повести временных лет по своей структуре он бинарен. Сквозь лик святости проступают черты языческого культа Рода и земли [2, 118–124]. Однако христианское почитание предполагает гиперболизацию только одного начала, связанного с эманацией божественной благо-

дати. В той же Повести под 969 г. в завершение похвального слова княгине утверждается ее молитвенное предстояние за русский народ перед Богом, она прославляется как предтеча русского христианства: «Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примерению быхом» [22, 116]. Обращает на себя внимание литургическая титулатура Ольги в древнерусской агиографии, где она именуется «предтече роуськое к Богу» [24, 6].

Почитание княгини как местночтимой святой восходит к начальному периоду христианизации государства и связано с культуро-творческой деятельностью крестителя Руси князя Владимира Святославича. Существуют многочисленные свидетельства формирования культа Ольги в киевский период. Согласно сведениям источников, Владимиром было инициировано перенесение останков Ольги с первоначального места захоронения в Киеве (точно в источниках не указанного) в Десятинную церковь. Подробно событие описывает Степенная книга. Как отмечено исследователями, ряд статей, включенных в этот поздний памятник, в том числе рассказ о перенесении мощей Ольги, носят древний характер [см. напр. 13, 58–75]. Судя по описанию, киевская акция вполне соответствовала установившемуся ритуалу литии, включавшему использование благовоний, процессиональных крестов и свечей: «Владимир с первосвятителем Леонтием со священным собором и ликом иноческим и множеством народа и все вкупе с иконами и крестами и свечами и с фимиамом торжественно шествие творили с усердием до места, где было погребено тело Ольги и прийдя, повелел копать землю и обрета тело святое блаженной Ольги и ничто образ не изменился и неповреждено и цело и в одежде. Владимир с архиереем и прочими целовал святыя мощи <...> и облаговониша с ароматы <...> переложена была в новую раку и понесли в соборную церковь, возглашая псаломское песнословие, и прочие подобающие священнослужению великолепно исполнялись. На уготованном месте была поставлена рака с нетленными мощами святой Ольги от нее же многие чудеса исцеления» [11, 28].

Считается, что об этом событии сообщает летописная запись под 1007 г.: «Принесени святии въ святую Богородицю» [15, 86–87; 16, 22]. Е. Голубинский отмечал, что подобное открытие мощей могло предшествовать формальному причислению к лику святых, т. е. они

были положены с явным расчетом на будущую канонизацию [5, 56]. Несомненно, тогда же в Киеве было установлено празднование памяти благоверной княгини. В связи с открытием, перенесением мощей и явлением чуда их нетления, должен был появиться и первый текст, посвященный Ольге. Очевидно, текст жития первоначально составлялся при Десятинной церкви. По мнению А. Шахматова, проложное житие Ольги, содержащееся в летописной статье 969 г., заимствовано из бытовавшего рассказа о крещении и кончине княгини, поскольку указания на нетленность ее останков имеются в древнем Прологе и в Похвале Ольге Иакова Мниха [26, 116–117]. Все три источника сообщают о паломничестве к ее нетленным останкам. Месяцесловы не указывают день памяти киевской княгини до конца XIV в. На фоне широкой распространенности в месяцесловах памятней других русских святых этот факт может быть свидетельством ее поздней официальной канонизации [14, 89–90]. Сохранившийся рукописный материал датируется XIII — нач. XIV в. и представляет собой краткие проложные жития [21, 289–290].

В Службе княгине Ольге акцент поставлен на личном крещении святой и беспощадном искоренении ею язычества. Исследователи относят текст к раннему этапу развития русской гимнографии. О домонгольском происхождении памятника свидетельствует упоминание княгининой раки, находившейся в Десятинной церкви. Ольга сопоставляется с величайшими христианскими подвижниками и называется в тексте «новой», «уподобившейся» и «повторившей», а также именуется «богомудрой», «преславной», «блаженной». Вместе с тем, в отличие от других памятников, в службе княгиня не соотносится с равноапостольной Еленой, что, видимо, обнаруживает стремление гимнографа подчеркнуть некую беспрецедентность ее подвига в христианской истории. Молитвенная тональность изложения сближает «Службу княгине Ольге» со «Службой князю Владимиру» [7, 142–145].

В этом контексте особый интерес представляет киевский медный крест-энколпион XII — нач. XIII в., ранее не привлекавший внимания исследователей. На одной из сторон энколпиона изображены стоящие рядом два персонажа с нимбами. Надписи над ними сообщают, что это св. Ольга и св. Николай [20, 258; 8, 12; Табл. IV, № 49]. Десятинная церковь была древнейшим центром формирования куль-

та св. Николая, и в ней находился алтарь, посвященный святителю. Поэтому не случайно княгиня, чьи мощи почитались в этом храме, представлена как святая рядом со св. Николаем. Иконографическая композиция указывает, что гробница княгини находилась в приделе, посвященном святителю. Нет сомнения, что этот храм — церковь Пресвятой Богородицы Десятинной.

В древнейшем проложном варианте жития княгини в болгарской рукописи XIII в., переписанной с русского протографа, говорится, что ее тело было положено Владимиром в деревянную раку. То же сообщение содержится в русском Прологе XVI в.: «Внук ея Володимер крести всю землю и създа церковь в имя святыя Богородица, и взял от земля тело бабы своея нетленно, и вложи е в раку древяну, и постави ю в церкви святыя Богородица» [21, 302], а по информации Иакова Мниха, в Десятинной церкви святыня покоилась в каменной, т. е. шиферной, гробнице: «Въ гробе, иде же лежить блаженое и честное тело блаженыя княгине Олгы, гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица, ту церковь созда блаженыи Володимиръ» [19, 69]. Мы не знаем, как выглядел княгинин саркофаг, но известно, что в XI в. в Киеве уже были собственные мастера-камнерезы, изготавливающие «многочисленные шиферные саркофаги для погребений киевской знати. Среди них наряду с гладкостенными известны и саркофаги сплошь покрытые барельефной резьбой, аналогичной резьбе на архитектурных деталях» [9, 472]. Более того, в древней стихире на память преподобной Ольги говорится, что «кивот» со святыми мощами был «позлащен» [10, 88—94]. Сведения о том, когда и кем деревянный гроб был заменен на каменный, окован и позолочен, отсутствуют. Это первый упомянутый в источниках случай изготовления драгоценного ковчега для мощей в древнекиевский период по заказу княжеской верхушки, что свидетельствует об упрочении практики почитания священных останков. Однако источники, сообщая о погребении киевских князей, не упоминают об оформлении их раков драгоценным металлом. Очевидно, в Киеве так украшались только саркофаги святых. Практика оформления гробниц золотом, серебром и драгоценностями восходит к греческой традиции. В Константинопольской Софии гроб св. Иоанна Златоуста был «покровен дьскою, утворенную златом и каменiem драгим» [3, 82]. Известен этот обычай и в Западной Европе.

Интересен тот факт, что мощи благоверной княгини лежали открыто, и их можно было видеть через прозрачную панель в крышке гроба: «И есть гробъ блаженныя Олгы и наверху гроба оконче створено и туда видити тело блаженныя Олгы лежаще цело. Да иже с верою приде, отворится оконче и видить честное тело, лежаще цело и дивяся чюду таковому, толико летъ в гробе лежащу телу не раздрушмуса» [19, 69]. Традиция почитания целокупных мощей в незакрытых гробах имеет византийские истоки. О наличии в Константинополе подобных гробниц сообщают древнерусские паломники: «А в олтари святыя Софеи у великого престола есть гроб святаго Иванны Златоустого <...> А сам лежит аки жив, бе бо весь цел и ничтоже уныло умыи ни от риз, ни от влас, но благоухание велие испущает и до селе» [3, 82]. Учитывая подробности описания, можно не сомневаться, что речь идет об открыто лежащих мощах. Черниговский игумен Даниил в палестинских обителях также неоднократно видел мощи святых угодников, лежащие «в телесах», «яко живи».

Древнее проложное житие Ольги информирует о чтимой святыне — кресте благоверной княгини, которым она была благословлена при крещении и принесла в свою землю. Самый ранний источник, содержащий сообщение об этом — славянская рукопись XIII в., известная как Синайский палимпсест. Приведем этот текст по русскому Прологу XVI в.: «И приемши от патриарха крест и прозвитера, прииде в свою землю. И тый крест и донныне стоить в святей Софии в олтари на десной стране, имея писмена сице: “Обнови ся Руская земля святым крестом”. Егоже приа Олга, благоверная княини, и обхожаше всю Рускую землю» [21, 301]. По мнению М. Оболенского, Илларион, обращаясь к Владимиру, прямо говорит об этом кресте: «Ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру» [17, 147].

Интересен тот факт, что киевская святыня занимала в Софийском соборе место аналогичное тому, которое занимал крест св. равноапостольного Константина Великого в Софийском соборе столицы Византийской империи — в алтаре с правой стороны. Крест Константина во время торжественных процессий несли перед царствующим императором. Формы почитания креста княгини Ольги в Киеве в источниках не указаны, но логично предположить, что он также при-

нимал участие в особо важных церемониях. Нет сомнения, что по византийской традиции в средокрестие была вложена частица животворящего древа и другие реликвии.

Исследователи пытались выяснить дальнейшую судьбу святыни. М. Оболенский опирался при этом на свидетельства польских источников XVII в. В них говорилось о кресте, выполненном из целого куска животворящего древа, который св. Елена прислала в дар своему сыну Константину Великому. Этот крест, будучи собственностью византийских императоров, был дан как приданое принцессе Анне, супруге князя Владимира и привезен в Киев. В начале XV в. киевский католический епископ с разрешения киевского князя перенес его в Польшу, где реликвия почиталась в доминиканском монастыре Люблина [17, 147–149].

По сведениям протоиерея П. Орловского, «золотой крест княгини Ольги» находился в Софии еще в XIV в. «Где он ныне, точно неизвестно. В Кракове, в кафедральном соборе св. Вацлава хранится в ризнице большой золотой крест с частию животворящего древа креста Господня, со старинною славянскою надписью: “Киевской Митрополии”. Не Ольгин ли это крест, унесенный сюда униатами из Киева?» [18, 13].

Из источников известно и о драгоценном княгинином блюде, которое Антоний Новгородский видел в Софии Константинопольской: «блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду <...> Во блюде же Олжине камень драгий, на томъ же камени написанъ Христось, и отъ того Христа емлють, печати людие на все добро; у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено» [23, 58–59]. Как неоднократно отмечалось в литературе, это описание близко к описанию блюда, на котором киевской княгине были преподнесены дары во время приема в императорском дворце. По свидетельству Константина Багрянородного, русской архонтиссе было поднесено «в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше 500 милиарисиев» [12, 364]. Был ли это один и тот же сосуд? Д. Айналов считал, что под служебным блюдом, о котором говорит Антоний, надо понимать богослужебную утварь, а не то блюдо, на котором княгине были поднесены деньги [1, 1–4]. Г. Литаврин также убежден, что, поскольку в аналогичной чаше был сервирован десерт, блюдо, подаренное Ольге, не могло быть ритуальным [12, 364]. Дру-

гие же исследователи допускают, что Ольга получила из рук императора драгоценную литургическую утварь и принесла ее в дар св. Софии как votivное подношение [4, 102; 25, 143].

Таким образом, прославление княгини Ольги как святой характерно для самого раннего периода киевской Церкви. Формирование культа ее мощей и реликвий начинается в княжение князя Владимира — христианизатора Руси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. Дар св. княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде / Д. Айналов // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902. — М., 1905. — Т. 3. — С. 1—4.
2. Александров О. Література Київської Русі : Між міфопоетикою і християнським символізмом : [Статті. Монографія] / О. В. Александров. — Одеса : Астропринт, 2010. — 472 с.
3. Анонимное хождение в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. — М. : Сов. Россия, 1984. — С. 80—91.
4. Голубинский Е. История русской церкви / Е. Голубинский. — М., 1901. — Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. — Первая половина тома. — 968 с.
5. Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Голубинский. — М., 1903. — 600 с.
6. Гордієнко Д. Княгиня Ольга : дискусія навколо хрещення / Д. Гордієнко // Софія Київська : Візантія. Русь. Україна : зб. статей на пошану д. іст. наук, проф. Н. М. Нікітенко. — К. : НАНУ, 2011. — С. 30—47.
7. Джиджора Е. Исследования по средневековой литературе XI—XV вв. : сб. науч. статей / Е. Джиджора. — Одесса : Астропринт, 2012. — 312 с.
8. Древности русские. Кресты и образки. Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. — К., 1899. — Вып. 1. — 33 с., XVI табл.
9. Каргер М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. — М. — Л. : АН СССР, 1958. — Т. 1. — 579 с.
10. Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. — СПб., 1907. — Т. 82. — № 4. — С. 88—94.
11. Книга Степенная царского родословия. — СПб., 1908. — Ч. 1. — 342 с.
12. Литаврин Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) / Г. Литаврин. — СПб. : Алетейя, 2000. — 415 с.
13. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. — М. — Л. : АН СССР, 1947. — 500 с.

14. Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI–XIV веков / О. В. Лосева. — М. : Памятники исторической мысли, 2001. — 419 с.
15. Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский [митроп. Московский]. История русской церкви / Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский. — СПб., 1868. — Т. 1. — 291 с.
16. Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования / А. Н. Насонов. — М. : Наука, 1969. — 554 с.
17. Оболенский М. О двух древнейших святынях Киева / М. Оболенский // Киевлянин. — М., 1850. — Кн. 3. — С. 139–150.
18. Орловский П., протоиерей. Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор / П. Орловский, протоиерей. — К., 1901. — 74 с.
19. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку / подг. Зимин А. А // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. — М, 1963. — Вып. 38. — С. 66–75.
20. Петров Н. Историко-топографические очерки древнего Киева / Н. Петров. — К., 1897. — 268 с.
21. Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста / А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика. — СПб. : Д. Буланин, 2005. — С. 288–308.
22. Повесть временных лет [по Ипатьевскому списку] / изд. подг. О. В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 1. : XI–XII века. — С. 62–315.
23. Путешествие. 1872 — Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями Павла Савваитова. — СПб., 1872. — 188 стб.
24. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития : Обзор редакций и тексты / Н. Серебрянский // Чтения в обществе истории и древностей российских. — М., 1915. — 494 с.
25. Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры / Г. А. Хабургаев. — М. : Московский университет, 1994. — 182 с.
26. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. — СПб., 1908. — 686 с.

Получена 25.01.2013